

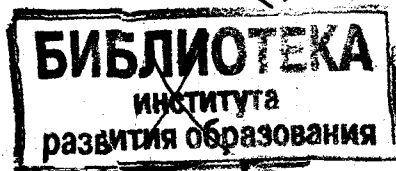
Вологодский институт развития образования

УГРЮМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы научно-практической конференции

Выпуск II

K 1352793

Вологда
2001

Вологодская областная
университетская
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

*В. В. СУДАКОВ,
ректор Вологодского института
развития образования,
доктор педагогических наук, профессор*

ВОСПОМИНАНИЯ А. А. УГРЮМОВА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Исторические свидетельства, оставленные непосредственными участниками знаковых событий, всегда привлекают внимание исследователей. Мемуаристика исторична по своей природе и ориентирована на воссоздание определенного фрагмента прошедшей действительности, быстротекущей и уходящей в прошлое современности. Появление мемуаристики как особого жанра исторического документа происходит сравнительно поздно, в итоге длительной эволюции мемуарного жанра. Следует отметить, что уровень воспоминаний говорит о жизненном опыте личности, ощущениях времени и пространства. В этом и заключается главная функция мемуаров — проявлении исторического самосознания личности и потребности соотношения своей жизни с историей.

Мемуаристом Кокшеньги уходящего столетия с полным правом можно назвать Андрея Андреевича Угрюмова, человека, беззаветно любившего Россию, ее бескрайние леса, росистые луга, кипень цветущих яблонь, соловьиные рассветы и жемчужные россыпи звезд северного русского неба.

Рассказывать о Родине, величии ее природы и истории, о талантливых и мужественных жителях Севера — людях Севера — людях древней кокшеньгской земли, о самоцветях русских имен, организовать увлекательные путешествия в прошлое своего народа, в Страну могучего русского языка — было призванием и профессией великого тарножанина, Почетного гражданина Тарногского Городка — Андрея Андреевича Угрюмова.

Андрей Андреевич учил детей русскому языку, истории, географии, но его уроки были для многих поколений тарножан прежде всего уроками любви к малой Отчизне, к земле, которую лелеяли и холили

прилежные и трудолюбивые руки многочисленных северных крестьянских родов.

Хлебопашество и воспитание детей — древнейшие и стоящие друг возле друга человеческие занятия. Мудрено ли, что потомок тарногских хлеборобов навсегда связал свою жизнь со школой. И не просто учительствовал, — служил истово, дело и слово учителя были святы для Андрея Андреевича Угрюмова.

Приняв однажды решение стать учителем, он оставался учителем всегда: и в школе, и в летнем отпуске, и дома, и в деревенском клубе, и в мирную пору, и в годы военного лихолетья. Тяжелейшие испытания позднее нашли отражение на страницах его воспоминаний.

Рукопись этих мемуаров обнаружена в большом архиве старого учителя. Спустя 33 года после войны Андрей Андреевич задумал оставить внукам фронтовые воспоминания. Писал для своих собственных внуков и, будучи человеком необычайной скромности, вовсе не рассчитывал, что его заметки о пережитом в суровые военные годы непременно будут опубликованы.

Однако и в этих, не предназначенных для печати воспоминаниях, Андрей Андреевич остался Учителем многих детей. Заметки человека, прошедшего сотни огненных верст войны, не раз заглядывавшего в лицо смерти, словно вынуты из самого сердца, настолько они откровенны, настолько пронзительно правдивы.

Но кроме суровой правды о войне, слово Учителя, обращенное ко всем детям и внукам, звучит как самое выстраданное, самое дорогое завещание: «Мы, пережившие ужасы войны, не хотим, чтобы она повторилась, не хотим, что бы вы, наши дети и внуки, испытали эти ужасы сами. Пусть вечно будет мир! Но я, ваш отец и дед, завещаю вам: ...лучше умереть за Родину, чем жить рабом. Да будет так».

Эти два слов — Родина и Мир — учитель Андрей Андреевич Угрюмов всегда ставил рядом.

Воспоминания А. А. Угрюмова о Великой Отечественной войне по праву можно назвать бесценным историческим источником. Их текст освещает события грозного пятилетия во всех тонкостях, без преувеличения, без прикрас. Знакомство с документом убеждает в мысли, что старый учитель долгое время работал над ним: отбирал сюжеты, оттачивал конкретику. Обладая хорошим литературным стилем, простотой и ясностью изложения, автор постарался сделать достоянием читателя пережитое им на войне.

Опубликованные в 1997 году воспоминания строятся по хронологическому порядку. Первая часть записок А. А. Угрюмова посвя-

шена начальному периоду Великой Отечественной войны. Автор справедливо отмечал наличие информации о подготовке гитлеровского вторжения в начале 40-х годов. Будучи хорошим психологом, А. А. Угрюмов писал об имевшихся в обществе настроениях: «О войне в те годы говорили, готовились дать отпор любому врагу, взрослые и школьники учились стрелять из винтовки, бросать гранату, надевать противогаз, пели военные песни, но не думали, что война начнется быстро. Я тоже всему этому учился вместе со старшеклассниками, так как в Красной Армии не служил (тогда сельских учителей не призвали, так как учителей было мало, и армия обходилась без них)».

Продолжая передавать на страницах воспоминаний психологические установки начала войны, А. А. Угрюмов описал свой труд в нелегких условиях испытания временем. Приходилось ему работать агитатором и пропагандистом. И в первый же день он получил задание провести митинг в деревне, «рассказать о вероломном нападении фашистской Германии, высказать мысль о неизбежном поражении ее и призвать колхозников лучше готовиться к сенокосу и вообще трудиться по-ударному».

Трогательным выглядит описание первой в Кокшеньге мобилизации. Понимая тяжесть ситуации, вспоминает Учитель, на поселковой площади толпились мужчины, желавшие пойти в Красную Армию добровольцами. Приведены в тексте и частушки 1941 года. Следует отметить, что подобные частушки бытовали в Кокшеньге и в годы Первой мировой войны. Это обстоятельство говорит о сохранении традиций этой локальной территории и через много лет после их появления.

Тыловую жизнь Угрюмов А. А. описывает кратко. Он сообщает читателю о труде сельского учителя военного времени, который изменился коренным образом. «Домой приходили только ночевать», — пишет автор воспоминаний. А если еще учесть и изменения психологического плана, то острота ситуации представляется еще напряженной. «С фронта начали приходиться известия о гибели ушедших на войну отцов и старших братьев — «похоронки». В каждой семье было нервное напряжение. Учителя помогали детям, успокаивали их, как могли, но многие старшеклассники бросали учебу, чтобы работать в колхозе, заменить ушедших на войну мужчин», — писал А. А. Угрюмов.

Важным представляется момент о помощи школьников фронту и труженикам тыла. Старый, умудренный учитель кратко и образно описал этот процесс.

Воспоминания А. А. Угрюмова о Великой Отечественной войне интересны с позиций изучения истории 100-й стрелковой дивизии. В феврале 1942 года она начала формироваться в Вологодской области. А. А. Угрюмов вспоминал, что учителей на войну в первые ее месяцы не призывали. Но с наступлением 1942 года этот принцип изменился. И в марте А. А. Угрюмов по повестке был призван в ряды Красной Армии, в состав упомянутого выше соединения.

Говоря об этой части воспоминаний, следует отметить один принципиальный момент: при источниковедческом анализе документа существует необходимость внешней и внутренней критики материала и содержащейся там информации. Откроем описание боя под Чижовкой на Воронежском направлении, и этот тезис будет вполне понятен.

Успех боевой операции, овладение каким-либо одним населенным пунктом стоит многих жизней. Наверное, сегодня мало кто знает о некой Чижовке. В Книгах Памяти нескольких районов поминается это поселение свыше сотни раз. Павел Гаврилович Костин, командир минометного взвода, вспоминает о боях под Чижовкой: «В первой декаде августа 100-я стрелковая дивизия вошла в состав 40-й Армии и получила приказ преодолеть реку Воронеж и наступать в направлении города Воронежа, чтобы овладеть его юго-восточной окраиной Чижовкой».

1352793
А. А. Угрюмов вспоминал: «В Воронеже наш полк снова оказался на восточном, низком берегу реки, а немцы заняли оборону на западном, высоком берегу, в Чижовке. На нашей стороне реки Воронеж стояло высокое кирпичное здание электростанции. Справа от электростанции сохранились остатки моста. За рекой, левее от моста, высилась небольшая церквушка. Выше ее и еще чуть левее виднелось четырехэтажное здание не то школы, не то института, а ниже — небольшие хатки рабочего поселка Чижовки. За ними — высокий и крутой берег, спускавшийся на приречный луг». Кокшеньгский краевед неслучайно подробно описывал эту местность через 36 лет, поскольку он изучал ее в связи с боевыми действиями.

Начались они в ночь с 14 на 15 августа. И здесь стоит сделать паузу. В воспоминаниях А. А. Угрюмова, в дальнейшем описании приведены цитаты из дневника военного времени. Следует сказать о необычайно интересном факте, поскольку наличие подобных источников сегодня представляется знаменательным событием.

«14 августа вечером командир полка, прихватив с собой меня, ездил к большому хозяину (то есть к командиру дивизии полковнику

Перхоровичу). На обратном пути он объявил, что КП полка переезжает за реку. Ночью на 15-е, в 2 часа 30 минут, командиры отправились за реку, в Чижевку. Я пошел с комендантским взводом, пешей разведкой и автоматчиками. Дороги на переправу и новое место КП никто из них не знал. Я видел ее с электростанции, и поэтому взял инициативу в свои руки. Вышли в 3 часа 15 минут. Через Воронеж переправлялись по столбам бывшей плотины. Выше по течению плавали остатки штурмового мостика, разбитого снарядами немцев. Сержант Горелов начал прыгать по плотикам, я — за ним. На середине реки я оступился и окунулся по пояс в воду, но мгновенно выскочил. Вся шинель замазалась в нефти, которую немцы спустили в реку, чтобы испортить воду.

Вот мы и на том берегу. До Чижевки метров 600. Иду быстро вперед, почти не пригибаясь, держа направление на здание школы, виднеющееся на фоне пожаров. Светает все больше. Вот мы и в Чижевке. Немцы открыли огонь.

Вдруг в правое плечо как будто ударили палкой. Сообразил: ранен. Засунул левую руку за воротник шинели, пальцы нащупали мокрое. Говорю соседу: «Я ранен». Разведчики побежали назад. Я начинаю отползать. У меня в руках еще каска, которую я нес Бурдаеву, автомат. Каску бросил. Ползти приходится без опоры на правую руку. Вокруг пули роют песок. Полевая сумка, противогаз, запасной диск автомата мешают. Своя каска лезет на глаза. Решил бежать. Вскочил и, пригнувшись, пробежал метров сто».

«С утра было страшно. Пули рикошетили на бруствере окопчика, обдавая меня пылью. Мины рвались где-то близко. Одна мысль — убьют! И я решил написать прощальное письмо моим родным.левой рукой я отыскал в своей планшетке открытку и карандаш (под руку мне попался коричневый из набора цветных карандашей, имевшихся у меня как у топографа для раскрашивания схем). Писал я тоже левой рукой, и поэтому буквы получались корявыми, некрасивыми:

«Дорогая Муся, дети, мама, Коля. Пишу это письмо на поле боя. Меня ранило в правое плечо. Сейчас лежу в окопе в 200 метрах от немцев. Кругом свистят пули и рвутся мины. Если убьют, помните, что я вас всех горячо любил и любил Родину. Живите счастливо.

Ваш Андрей. 15.8.42.»

К сожалению, как видно из воспоминаний, результат этих боев для А. А. Угрюмова оказался печальным: он был ранен...

«В этих боях, — вспоминает П. Г. Кофин, — участвовали и мои земляки из бывшего Ковжинского района: Станислав Богданов, Иван Кривонос и Николай Хохлов. Мы собирались вместе вечером 11 августа перед наступлением. Говорили мало, больше сидели молча, курили, думали каждый о своем. Вспоминали дом, родных... Ваня Кривонос, голубоглазый, никогда не унывающий красавец, и тут то и дело улыбался каким-то своим мыслям».

Так закончился первый этап службы на фронте для А. А. Угрюмова. После выздоровления учитель некоторое время работал в Тарноге, на родине, а затем — снова фронт. И победный май 1945 года. Падение Берлина и послевоенное восстановление Германии. А потом снова Тарнога.

* * *

В чем ценность воспоминаний А. А. Угрюмова о Великой Отечественной войне? Их ценность определяется правдивостью рассказа любимого Учителя. Их ценность определяется передачей психологизма Великой Отечественной и откровенностью автора по отношению к читателю.

Низкий поклон Вам, Андрей Андреевич, педагог, краевед, фронтовик!